

Маршал трудового тыла

но велика. И это осознаем не только мы, смотрящие с высоты многих лет. Это понимали уже тогда.

Захар Петрович Душинов, варивший в годы войны броневую сталь и ратовавший до самых своих последних дней за сооружение в городе памятника Носову, ставил Григория Ивановича в один ряд с маршалом Жуковым. Жуков обещал победу на передовой. Носов — был маршалом трудового тыла, где ковался меч Победы.

Действительно, задачи в годы войны ставились перед комбинатом архисложные: «Магнитогорский завод должен дать металла столько, сколько от него потребуются». Таково и было. Продукции выдавалось столько, сколько могли переработать наши заводы. Засчет чего директор Григорий Иванович Носов смог решить такую задачу — мы и попытались показать материалами, воспоминаниями, собранными в книгу под названием «Неустанно двигаться вперед».

Носов — ученый, специалист; Носов — человек; Носов — организатор; Носов — крупный руководитель, работавший на перспективу — вот основные эпиграфы, на которые нам хотелось бы обратить внимание читателей нашей книги, изданной к 90-летию со дня рождения легендарного директора.

Его качества — устремленность, умение пойти на разумный риск, сердечное отношение к людям, простота в общении...

Его интеллект и умение нестандартно мыслить способствовали тому, что в короткие сроки на комбинате был найден метод выплавки броневой стали в мартеновской печи с основным подом и что эта сталь была прокатана, впервые в мировой практике, на обыкновенном блюминге. Да, он рисковал. И он знал, чего стоит этот риск. В самые критические моменты он коротко говорил: «Отвечать буду!»

Носов — ученый-аналитик — понимал, что в металлургии необходимы прогрессивные методы производства. Именно при нем была освоена выплавка чугуна на офлюсованном агломерате и работа домен с повышенным давлением. И Иван Павлович Бардин в знак восхищения этими достижениями шлет Г. И. Носову в подарок 12-й том сочинений Д. Мен-

делеева, посвященный металлургии Урала.

Носов-организатор кроме сферы производства не мог не уделять пристального внимания всей жизнедеятельности коллектива. Он понимал, что люди и комбинат должны действовать, как единый организм, должны гармонично дополнять друг друга. Это касалось и техники безопасности, и новых технологий, и даже — чистоты территории...

Многие помнят, как в 1939 году, когда Г. И. Носов стал работать главным инженером, он начал свою деятельность с расчистки завалов мусора на комбинате. И позднее, когда, будучи уже директором, он всегда обращал внимание на порядок, приказывал убрать ненужное. А если были возражения, он их прерывал фразой: «Запомните, что главный дворник на комбинате — это Носов».

Война заставила Г. И. Носова поновому, нестандартно взглянуть на проблему кадров. Один способ заменить ушедших на фронт лежал на поверхности — выйти из положения за счет так называемой трудармии. Именно по этому пути пошел Кузнецкий комбинат. Носов же сделал ставку на молодежь. Григорий Иванович «обился» вверху за то, чтобы нам были эвакуированы технические училища. Несмотря на все сложности, Носов шел на это, так как видел в этом глубочайший смысл.

Физушники прибывали сюда сотнями. Это, по-человечески, была очень драматичная страница в их жизни, и Григорий Иванович понимал, что молодым людям нужно особое внимание.

Наш поэт Владимир Маяковский в поэме «Лицом к огню» в одной из глав описывает момент прибытия партизан по рощкам в Магнитогорск. Командант их всех выстроил на площадке и объявил:

«Директор товарищ Носов Сдается вам доклад...»
И тот «столяк», прибывших буквально потряс:
«Старшой наш, пушловский слесарь, Камнем к земле прирос, Директор, сй-Богу, как Цезарь, Три слова всего произнес, И мы повторяли их снова, Чекая памятью в медь, Три государственных слова: — Помыть, накормить и одеть!»
Молодежи директор уделял особое внимание. Он стремился, чтобы

молодые люди получили на Магнитке прописку, нашли свою любовь и стали частью комбината.

При Г. И. Носове сформировалась целая система работы с молодежью, очень долго и успешно действовавшая на комбинате.

Такая стратегия Носова уже сразу после войны дала свои результаты. После указа о демобилизации трудармейцев с КМК сразу увеличилось около пяти тысяч человек, но при нашем комбинате составили лишь 500 человек. Основная часть эвакуированной молодежи осталась на Магнитке и составила костяк трудового коллектива.

Вообще отношение к кадрам, специалистам у Г. И. Носова было по-государственному здравое и по-человечески бережное.

Интереснейший случай произошел в 50-м году с Владимиром Петровичем Кошковым, который отовоевал, вернулся, закончил институт и готовился к защите дипломного проекта. И вот перед самой защитой его снова призывают на службу в армию. Чтобы подождать с призывом, дать возможность защититься, об этом военком и слушать не хотел. И вот помог случай.

Дошла эта история до Григория Ивановича. Как? Об этом пишет В. П. Концов в воспоминаниях. Но не это главное. Главное в том, что Г. И. Носов умел посредством данной ему власти правильно и справедливо все поставить на свои места. Даже если для этого ему пришлось позвонить маршалу Жукову. Так проблема была решена. Надо сказать, что Кошлов с директором лично знакомы не были ни до этого случая, ни после.

Конечно, власть в руках Г. И. Носова была огромная. Николай Григорьевич Коваленко в воспоминаниях рассказывает, как группу молодых рабочих основных производств без ведома начальства комбината вывел, что он выветился, «забрел» во дворец победы в Москве. Увидев об этом, Григорий Иванович дал распоряжение «вернуть». Из Карталов вся группа под конвоем была возвращена обратно в Магнитогорск.

Недаром в то время ходила присказка: Советская власть у нас распространяется от Карталов и далее, а до Карталов — власть Носова. И когда приезжало в Магнитогорск высокое начальство из Москвы, в первую очередь встречались с Носовым, а

потом только шли в горком и горисполком. Это вызывало недовольство у руководителей области. Но однажды на одном из областных активов все на место поставил Н. С. Патолчиев. Он сказал: «Я, как секретарь обкома партии, 50 процентов своего времени работаю на Григория Ивановича Носова, потому что от него зависит Победа». Он попросил изменить к нему отношение помощи. У Н. С. Патолчиева была убежденность в здравотворении власти со стороны Григория Ивановича. Это так и было.

Но не во всех делах и решениях вышестоящее руководство, в частности министерство, поддерживало Г. И. Носова. Были случаи, когда директор не докладывал в министерство о своих замыслах.

Так было с 20-ю электровозами, полученными по контрибуции из Японии и поставленными на хранение на комбинате. Г. И. Носов начал работы по электрификации железнодорожного транспорта. Как вспоминает Б. И. Буйвид, когда И. Ф. Тевосян узнал об этом, по комбинату уже «обегали» шесть электровозов. В конечном итоге все японские электровозы были оставлены на комбинате.

Тяжело Григорию Ивановичу было пробивать идею о садовом хозяйстве. Две попытки начать посадку саженцев оказались неудачными. «Мало того, что в министерстве не было дано «добро», — вспоминает Ф. Б. Иванченко (бывший начальник дворового цеха), — были люди на комбинате, не считавшие проблему обеспечения металлургов витаминной продукцией важной: «Семь лет мак не родился, а голоду не было!» — проинформировали они.

Но чужье руководство, работавшее на переферии, показывало ему, насколько важно это дело. И Г. И. Носов выпускает еще один приказ: «При существующем дворовом цехе создать отдел зеленого хозяйства...» С этого времени с ноября 1946 года началось свое активное развитие лесопаркового хозяйства.

Многое сделал Григорий Иванович Носов того, что объявляет нас помнить о нем. Но самое главное, как бы смысл его жизни нам видится в таком символе: крепкая броня оградила нашу землю от вражеского нашествия, чтобы на этой земле выращивать прекрасные сады.

Т. ФАТИНА, работник музея АО ММК.

2 МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

Любая человеческая жизнь представляет из себя ряд событий, среди которых легко выделить главные, основополагающие. Именно такие события способны обострять волю, ума, раскрыть душу.

Нетрудно расставить подобные вехи и в жизни Григория Ивановича Носова. То, что он в 16 лет вынужден был пойти работать на завод в Катав-Ивановске, где родился, определило его профессиональную направленность в жизни.

Учеба на рабфаке в Уфе, в Томском технологическом институте и работа в качестве аспиранта в Сибирском металлургическом институте, функционировавшем на строительной площадке Кузнецкого комбината, — дали ему солидную теоретическую подготовку.

Работа на КМК, где он за несколько лет вырос до главного инженера, да еще под руководством такого остола металлургической науки, как Иван Павлович Бардин, помогла на практике применить и развить теоретические и научные познания.

Все это стало как бы подготовительным периодом для его предстоящей работы в металлургии в сложный период войны. Судьба готовила Г. И. Носова и привела в ту точку, где будет при его участии, под его руководством формироваться победа над врагом. А это очень важный, поворотный момент в истории страны.

Его роль в Победе — действитель-

Валентина МИНУЛЛИНА

«Дети» директора Магнитки

Глава из очерка «Стальной король Магнитки»

Много писано о подростках, заменивших отцов-фронтовиков у домен, мартенов и прокатных станов. Общеизвестно и то, что из оккупированных районов страны в Магнитку были эвакуированы целые училища фабрично-заводского обучения. Не десятки сотни, а десятки тысяч мальчишек и девчонок России, Украины, Белоруссии пришли на Урале вторую родину. Такого количество молодых людей в переходном, как говорим мы теперь, трудном возрасте наш город, наверное, не знал за всю свою историю. Причем это были, помимо, полураздетые, голодные, потерявшие семью дети войны. Что можно было ждать от них? Кого бы не испугала такая армия потенциальных правонарушителей? Разгула беспризорничества со всеми его гримасами? Как же удалось избежать этого? Как и кому удалось собрать всех этих подранков, уже переживших свою первую личную трагедию, под единое крыло, вырастить из них хороших работников, семейных, граждан?

В четырнадцать-пятнадцать лет, числясь еще учениками ФЗУ, они уже были на учете в цехах как рабочая сила. Металлургический комбинат — технология непрерывная. Приходилось мальчишкам и в ночные смены работать наравне со взрослыми. Им бы расти, да крепнуть под риторической ласковой опекой, а вместо этого — паек по карточкам, койка в бараке-общежитии, да работа по двенадцать часов с двенадцатичасовым перерывом.

Подростки валились с ног, засыпали на ходу, нередко герили картошки на хлеб и, как следствие, оставались голодными. А от голода, холода да плохих ветшей все болели.

Григорий Иванович пригласил к себе мастеров училищ. Задавал вопросы, внимательно слушал, а в конце совещания сказал:

— У меня здесь сводка врача. Эти дети не умеют себя беречь. Живут в общежитии, часто болеют воспалением легких. Им не хватает материнского присмотра. Выход один: нужно привлечь женщин-общественниц. М. А. Курочкина была одной из этих женщин-общественниц. Вот как записан ее рассказ журналистом М. Верниковской:

«Утром вернулась из магазина: в очереди стояла, замерзла. Включила радио, слушаю сводку. А там... бон под Москвой, потерь много. У меня же сын и дочь на фронте. Дочь линдет, от сына — диких известий. Сижу, плачу. Вдруг в дверь стучатся. Открываю — незнакомый мужчина. Я говорю, шофер директора, вас вызывает Григорий Иванович. Муж у меня — литейщик на заводе, сын Женя — в доменном цехе. Может, с ними что случилось?»

Приехали в заводоуправление, приглашают меня в директорский кабинет, а там уже сидят женщины... Григорий Иванович вышел из-за стола, с каждой из нас за руку издоровался, потом сел рядом и говорит: «Нужна ваша помощь. Возьмите под свой женский контроль все общежи-

тия, где подростки живут. Обследуйте, составьте список, что нужно. И столовые — тоже под контроль». Тут же вызвал начальника управления коммунального хозяйства и велел ему во всем нас поддерживать, требования наши выполнять...

Ну, раз нам была дана такая власть, подогнать нас не надо было. Провели дом забыли. Утром — кто на завод, а мы — в общежитие, как на смену. Досмотр там действительно плохой был, грязи много накопилось. Окна выбиты, умывальников нет. Засучили мы рукава, давай все мыть, чистить. Команданты только поврачивались. Матрацы и одеяла надо прожарить, окна застеклить, дымоходы прочистить, бачками с нитьевой водой заготовить. Потом за ребятами пошли. На одном складе обнаружил завал валенок-малюшек, как раз ребята. Кладовщик упирается, не дает. Вспомнили мы наказ директора и докладную ему. Так и так, кладовщик одет, обут, а до ребят дела нет...

Он так взял в оборот кладовщика, что тот не знал, куда деваться. А потом к нам обращается: «Я думаю, кладовщиком надо поставить женщину, а этот пусть идет в цех поработает».

Борис Иванович Буйвид, позднее много лет руководивший отделом кадров комбината, в годы войны был вожаком комсомола.

Я считаю, что комсомолы Магнитки, вообще молодежи нашего го-

рода просто крупно повезло, — говорит он, — потому что два крупнейших городских предприятия возглавляли неординарные личности: на комбинате был Носов, в тресте Магнитгорстрой — Дымшиш. Первого октября сорокового года в городе был проведен первый набор трудрезервов для комбината и треста. Это были два училища на три тысячи человек. В 42-м году в городе было уже семнадцать училищ, где рабочим профессиям обучались более двадцати тысяч человек. Причем на каждой очередной оперативке Григорий Иванович говорил: слово комсомолу. Он очень серьезно относился к молодежным проблемам. «Мы должны думать, с кем будем работать», — эти его слова всю жизнь помню. Он никогда не считался ни с какими затратами на обучение, воспитание, оздоровление молодых, говорил, что в этом вопросе невозможно сделать слишком много: ведь каждый раз, выделяя средства для нужд молодых, мы закладываем будущее комбината.

Именно по инициативе Григория Ивановича были заложены и выстроены первый и второй интернаты молодых рабочих ММК, первый дом для молодых людей на Уральской улице, начали справляться комсомольско-молодежные свадьбы. Причем, в течение года молодежь семья обеспечивалась жильем, первыми предметами для обустройства была.

Такой курьезный случай был с этим домом молодых, — улыбаясь, вспоминает Б. И. Буйвид. — После

того, как жилищная комиссия (Носов, разумеется, входил в ее состав) приняла дом молодых, Григорий Иванович приказал в течение недели мебелью обставить комнаты самым необходимым. Привезли кровати, столы, шкафы. Директор приехал, взглянул: «Как-то неуютно здесь». И распорядился: срочно повесить на все окна тюль. Командант поехал в ОРС, а начальник ему говорит: нет, мол, тюли. Как нет? Ну, есть, только мало и красивая — ее Алла Дмитриевна Носова для своего дома присмотрела. На следующий день Носов спрашивает: повесили тюль? Нет, говорит ему. Почему? А тот мнется: неудобно говорить про Аллу Дмитриевну. Но все же пришлось признаться. Григорий Иванович задумался только на мгновение: немедленно забрать в ОРСе тюль и повесить в доме молодых — подождал директорский дом...

Почему-то снова вспоминаю, как еще совсем недавно, всего чуть больше четырех лет назад, все нас, работников комбината, горожане называли «детьми Розазиана». С определенной долей ехидцы, явно желая задеть за живое. И задевали. Только не за злое живое, а за доброе. Видно, так уж мы, россияне, устроены: иреем нас внимание сильного, главного, плохо нам без него. Так вот что я думаю: работников комбината времен директорства Григория Ивановича Носова тоже смело можно было называть «детьми Носова». Разве не так?

(Продолжение следует)